

Демченко Полина Николаевна

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА МАСЛЕНИЦЫ С ПОЗИЦИЙ ФИЛОСОФИИ ИМЯСЛАВИЯ

Статья посвящена исследованию истоков и условий возникновения феномена Масленицы. В публикации рассматриваются онтологические причины возникновения этого праздника. Автор опирается на методологию философии имяславия, символическую концепцию слова и языка, которая обозначена в философии А. Ф. Loseva и П. А. Florenskogo, концепцию онтологической взаимобратимости феноменов языка и времени, описанную в трудах В. А. Friaufa и В. В. Kanafevoy.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 67-70. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Александр Блок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klassika.ru/stihi/blok/o-vesna-bez.html> (дата обращения: 29.01.2016).
2. Музыка XX века. М.: Музыка, 1984. Кн. 4. 510 с.
3. Прокофьев о Прокофьеве. М.: Советский композитор, 1991. 285 с.
4. Прокофьев С. Автобиография. М.: Советский композитор, 1982. 599 с.
5. Прокофьев С. Материалы. Документы. М.: Музгиз, 1961. 708 с.
6. Прокофьев С. Статьи и материалы. М.: Советский композитор, 1962. 384 с.
7. Цуккерман В. Несколько встреч с Прокофьевым // Советская музыка. 1977. № 6. С. 93-96.

YOUTH OF EPOCH (COMMEMORATING THE 125TH ANNIVERSARY OF S. PROKOFIEV'S BIRTH)

Demchenko Aleksandr Ivanovich, Doctor in Art Criticism, Professor
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
alexdem43@mail.ru

The situation of the beginning of the XX century according to a number of its features turned out into something reminding the period of birth and childhood – that is a reason of the flourishing of the phenomenon, which can be denoted as “youthful subject matter”. Among the native composers of the 1910s Sergei Prokofiev reflected youthful subject matter and the idea of the world discovery connected with it with the greatest fullness. It is presented mainly in the series of contrasting pieces that allow showing various states (Ten Pieces op. 12, the cycle “Instantaneities” and others). Child’s and youthful perception of life is inseparable from playing mood as often as not acting in conjugation with scherzo character. The special vivacity of temperament and the spontaneity of manifestations so peculiar to Prokofiev’s characters adjoin with the playing element. Such large-scale compositions as Piano Concerto No. 1 and Symphony No. 1 give their own aspects of youth images realization.

Key words and phrases: the beginning of the XX century; youthful subject matter; Prokofiev’s creative work; native musical art; collections of pieces; sonata-symphonic compositions.

УДК 111

Философские науки

Статья посвящена исследованию истоков и условий возникновения феномена Масленицы. В публикации рассматриваются онтологические причины возникновения этого праздника. Автор опирается на методологию философии имяславия, символическую концепцию слова и языка, которая обозначена в философии А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского, концепцию онтологической взаимообратимости феноменов языка и времени, описанную в трудах В. А. Фриауфа и В. В. Канафьевой.

Ключевые слова и фразы: праздник Масленица; онтология; символ; язык; фонема; морфема; семема; имя; число.

Демченко Полина Николаевна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
polina-alex@mail.ru

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА МАСЛЕНИЦЫ С ПОЗИЦИЙ ФИЛОСОФИИ ИМЯСЛАВИЯ

Одной из характерных черт современной культуры и философской мысли XX-XXI вв. является онтологическая нестабильность как следствие погруженности бытия в знаковые формулировки. Символическая концепция слова и языка, которая обозначена в философии имяславия А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского, дополненная идеей онтологической взаимообратимости феноменов языка и времени в трудах В. А. Фриауфа и В. В. Канафьевой, позволит по-новому понять феномен Масленицы и выйти к его онтологическим истокам. Поскольку «структурные модификации языка связаны с символической структурой или генетическим кодом творения – Первичным Именем, <...> Слово-символ не есть Знак, оно глубоко онтологично» [4, с. 27].

В соответствии с идеями имяславия и философии имени, символ – это не разновидность знаков, это принцип устройства онтологической нормативности бытия. П. А. Флоренский пишет, что символ – это «бытие, которое больше самого себя» за счет эффекта синергии, представляющий двуединство Смысла и Явления по закону обратной перспективы. Такое бытие философ именуется онтологической нормативностью бытия [5, с. 279].

В символическом бытии существует язык-символ, характеризующийся дихотомичной структурой Слова, – Смысл и Явление, конгруэнтные друг другу.

Нарушение онтологической нормативности является следствием процесса меонизации, онтологического процесса топологического смещения (в истории христианства – грехопадение), в результате чего мы можем наблюдать смещение внутри Символа (Смысла и Явления друг относительно друга) и возникновение пустоты, которая заполняется материей. По мнению П. А. Флоренского, с топологическим смещением связано возникновение исторического времени.

Мы попадаем уже в иную реальность – знаковую, иную онтологию (кентаврическое симулякроевое строение бытия), меоническую онтологию тварного космоса, в которой смещение внутри Символа является условием возникновения языка-знака на фоне языка-символа.

В результате топологического смещения **«Смысл»** становится **семемой** слова, **Явление** – **морфемой**, а **фонемой** – **Материя**» [4, с. 31], т.е. в структуре знака, наряду с означаемым и означающим, появляется третий элемент – фонема.

Конгруэнтные изначально Смысл (дух) и Явление (тело) в процессе топологического сдвига становятся семемой и морфемой соответственно. Материя фонемы становится следом, фактом («своеобразной раной бытия, или модусом присутствия в пустотности отсутствия») этого сдвига [7, с. 5]. Причем «материя» – меон («иное» по отношению к Первосущности) проявляет себя как «лишенность, пустотность, неопределенность и жажда воплощения, желание достигнуть бытия как Формы, т.е. Бытия как Символа» [Там же].

Следовательно, материя является условием возможности симуляции онтологической нормы бытия и утверждения симулякроевого (кентаврического) его структурирования, поскольку заполняет собой места отсутствующих после топологического сдвига Смысла (духа) и Явления (тела). Вследствие этого реальное Явление подменяется плотной *физической материей*, а реальный Смысл – материей «значения». Третий элемент – *фонема* – это материя, которая замещает собой подлинную, истинную реальность – бытие-символ – и старается скрыть симулякрами, суррогатами внутреннюю пустоту, образовавшуюся как результат раскола онтологической нормы.

У П. А. Флоренского бытие-символ-слово имеет внешнюю форму («неизменный твердый состав, которым держится все слово; ее можно уподобить телу организма») и внутреннюю, сравниваемую с душой этого тела [6, с. 321]. Философ утверждает, что строение бытия-символа-слова трихотомично, оно состоит из *костяка тела – фонемы, тела слова – морфемы и души, его синергии – семемы*.

Вследствие топологического смещения Явление (тело) становится *морфемой*; Смысл (дух) – *семемой*, а вместо *фонемы* появляется след этого смещения – материя. Таким образом, внутренняя сторона слова оказывается поделенной на две составляющие:

1. *фонему*, которая образует так называемый «психофизический костяк» слова;
2. *морфему*, которая является соединительным звеном между фонемой и внутренней формой слова, выражающей закон кентаврического бытия.

В трихотомичном строении слова третьей составляющей становится внутренняя форма слова – *семема*, выражающая собой смысл, который мы хотим передать.

Следовательно, слово-знак будет состоять из следующих элементов:

- смыслового (*семемы*);
- грамматического (*морфемы*);
- звукового (*фонемы*).

Язык-знак симулирует полноценную онтологическую нормативность бытия через доступные ему знаки, сращенные на онтологическом уровне с инобытием через попытку выстроить структуру языка-символа. В результате этого знак порождает регулирующий код творения – число.

В дальнейшем в процессе вытеснения (процессе забывания истины бытия) символ оказывается окончательно подмененным его кодом – числом, вследствие чего любому дискурсу угрожает «внезапная обратимость или поглощение в собственных знаках, не оставляющее и следа смысла» [1, с. 26]. Следует заметить, что сегодня знак существует сам по себе, не отсылая более ни к реальности, ни к референту. Таким образом, язык-знак переводит Имя из статуса Слова в простой тварный звук.

Речь начинает утрачивать структуру, которая состоит из словесных символов, а постоянная подвижность инобытия задает смысловую подвижность слова, что в свою очередь становится причиной непрекращающегося дискурса между означающим и означаемым. Начинает возникать онтологическая асимметрия, которую индивид поначалу не может осознать, а затем она становится очевидной. Можно констатировать аномалию, в которой все сдвинуто относительно исходной нормы. Источником этой аномалии выступает бытие-кентавр или «падшее», ущербное бытие, пораженное ложью множественности.

Топологический сдвиг является причиной подмены понятий Телесности и Духовности на квазителесность и квазидуховность соответственно. Телесность уже не воспринимается как духовное, негленное тело и ассоциируется с телом материальным, физическим. Следствие этого – «неполнота человеческой сущности как результат постоянной борьбы между Добром и Злом» [3, с. 51]. Телесность в рамках кентаврического бытия представляет собой симуляцию истинного тела – материальное физическое тело. Телесность подменяется материей, которая заполняет собой пустоты Смысла (души) и Явления (тела).

Следовательно, мы можем утверждать, что в условиях «падшего» бытия человек представляется как «воплощенное сгущенное время» [1, с. 143]. При этом две сакральные парадигмы времени – суточная и годовая, по мнению А. Дугина, меняются местами, а это, в свою очередь, задает переход от Бога к человеку – профанацию; возникает иное время, ориентированное к своему качественному пределу [2].

«На наличие раскола бытия-символа наиболее ярко указывает факт имени, встречаемого в опыте не в чистом виде. Сам факт того, что имя никогда не бывает в чистом виде, уже указывает на неполноту целостности личности» [3, с. 65]. Имя, по мнению П. А. Флоренского, является ядром личности и ее сутью, т.е. – высшим порядком. В рамках бытия-кентавра вместо имени мы считаем релевантным употребление концепта «псевдоимя».

Имя является формой внутренней организации, и в бытии-кентавре ему будет соответствовать число как форма внешней организации. Таким образом, псевдоимя является инвариантом личностного, а число –

вещественного. При этом оба эти инварианта, с точки зрения П. А. Флоренского, представляют собой и вещь, и личность одновременно и будут иметь одно онтологическое основание – бытие-кентавр.

Поскольку число имеет материальную (количество) и формальную (качество) стороны, оно порождает еще два начала, подчиненных ему и образующих внешний мир – это пространство и время. «При этом вещественный мир, где вещь является “особой кривизной времени-пространства”, есть не что иное, как объединение времени, определяемого преимущественно качеством, и пространства, определяемого количеством.

Псевдоимья, в свою очередь, также имеет материальную и формальную стороны – усия и ипостась соответственно. Стихийность, этимологически означающая то же, что и пространство, иначе говоря, – простор самопроявления, и долг (норма), пребывающий в потоке событий и означающий долготу или время этимологически, составляют другую пару начал. При этом стихийность определяется усией, долг – ипостасью, образуя внутренний мир, в котором личность есть то, что во внешнем мире соответствует вещи» [Там же, с. 57].

В структуре бытия-кентавра (Рис. 1) располагается понятие «Ино-сознания как память об онтологической норме» [4, с. 75]. Потенциал Духа в сфере сознания концептуализируется как трансцендентальное Эго. В сфере бессознательного он выражается, по мнению В. В. Канафьевой, концептом ино-сознания (трансцендентального Другого), которое сохраняет в себе виртуальный потенциал Духа.

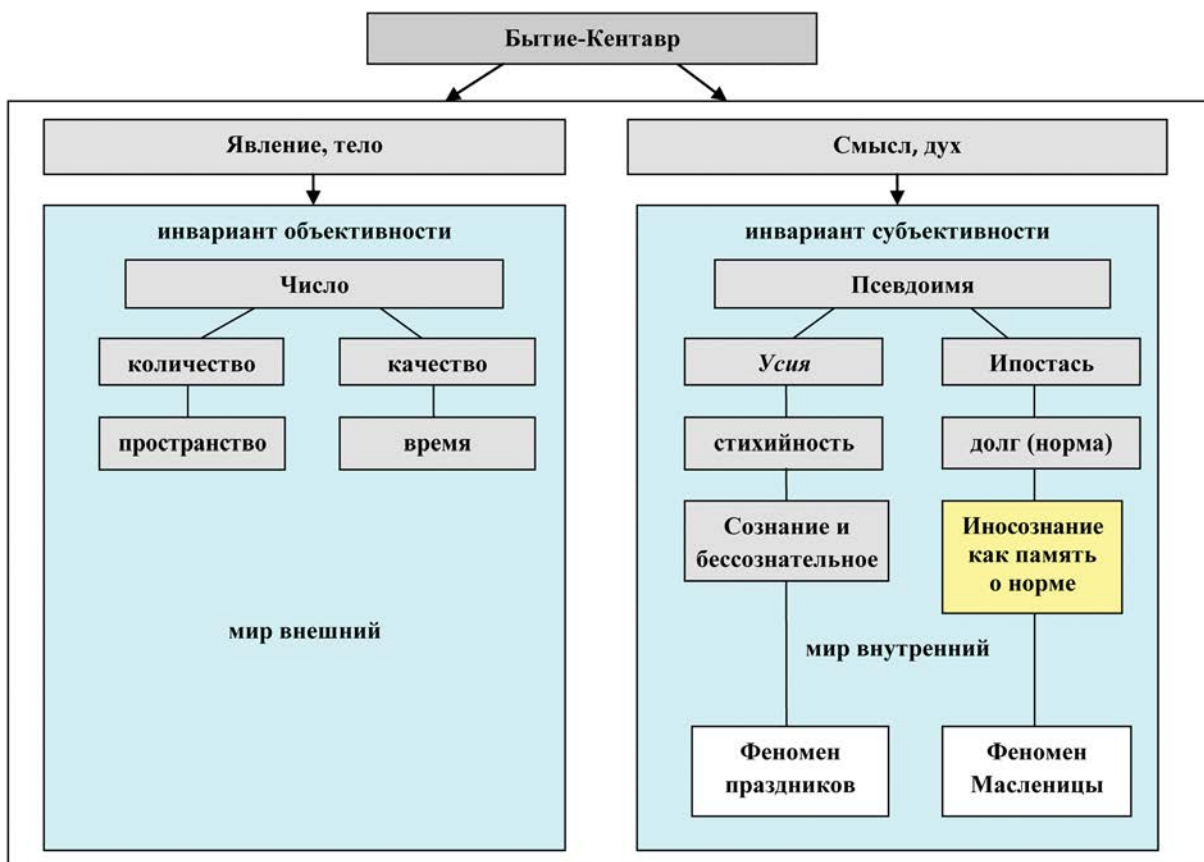

Рис. 1. Структура бытия-кентавра

Введение В. В. Канафьевой термина-оператора «ино-сознание» было обусловлено целью показать наличие внутри нас «Другого» (трансцендентального субъекта). Согласно В. В. Канафьевой, ино-сознание является частью первичного Символа, выражающей «его духовную компоненту, глубинную память о единстве духовного и материального, перешедшую из модуса актуального в модус виртуальный вследствие топологического смещения» [Там же, с. 77]. Таким образом, ино-сознание представляет собой «виртуальный потенциал Духа в сфере бессознательного», проявляющийся в состоянии мистического опыта, гипнотического транса, «в состоянии так называемой “живой веры” – таком состоянии, когда Смысл и Явление совпадают друг с другом, когда между ними отсутствует конвенция. Например, процесс инициации представляет собой попытку актуализировать виртуальное тело (символ); попытку вернуть кентаврическое симулякрное строение бытия к нормальному символическому бытию и онтологической целостности» [Там же].

Процесс перехода от бытия-кентавра к бытию-символу осуществляется через преобразование пространственно-временных характеристик бытия, в частности, меоническое время переходит в эоническое. Следовательно, суть феномена праздников как таковых будет заключаться в восстановлении «начального и священного времени», поскольку праздник – это некие действия, раскручивающиеся «в начальном времени». М. Элиаде считает, что «периодическое воспроизведение в настоящем созидательных действий, совершаемых Божествами *in illo tempore*, и составляет священный календарь – свод праздников» [8, с. 57].

Поведение человека *во время* праздника будет отличаться от его поведения *до* и *после*. Эта разница в поведении на праздниках, по нашему мнению, лежит в актуализации ино-сознания через *со-участие* с каким-либо священным событием и оборачиваемости участника праздника в другое время, а следовательно, опрокидывание в иную онтологию, помогающую обрести мифическое *illud tempus* с помощью ритуала, обряда, со-причастия с культом.

Таким образом, в процессе *со-участия* с каким-либо праздничным священным событием через ритуал, обряд, со-причастие с культом происходит преобразование «ущербного» бытия – бытия-кентавра и достижение онтологической нормативности бытия – бытия-символа. Значит, можно утверждать, что феномен праздника Масленицы – это глубинная память о Символе, архетип в сфере ино-сознания, импликация имени в культуре в качестве мировоззрения, хозяйственной и культовой деятельности человеческого общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М.: Ad Marginem, 2000. 320 с.
2. Дугин А. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002. 524 с.
3. Канафьева В. В. Язык и время в Традиции Логоса. Саратов: Научная книга, 2005. 202 с.
4. Канафьева В. В. Язык и время: философско-онтологический анализ: дисс. ... д. филос. н. Саратов, 2006. 336 с.
5. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (опыт православной антропологии) / сост. и ред. игумен Андроник (Трубачев). М.: Мысль, 2004. 685 с.
6. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Имена: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 169-324.
7. Фриауф В. А. Философия и метафизика: метаморфозы Смысла // Философия. Метафизика. Язык: сб. науч. тр. / Филос. об-во им. С. Л. Франка. Саратов: Поволж. межрегион. учеб. центр, 1998. С. 3-7.
8. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. Г. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

GENESIS OF PANCAKE WEEK PHENOMENON FROM THE VIEWPOINT OF PHILOSOPHY OF PRAISING THE NAME

Demchenko Polina Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Film and Television
polina-alex@mail.ru

The article is devoted to studying the origins and conditions for the Pancake Week phenomenon. The publication examines ontological provisions for the origin of this holiday. The study is based on the methodology of philosophy of praising the name, the symbolic conception of word and language, which is outlined in A. F. Losev's and P. A. Florensky's philosophy, the conception of the ontological mutual reversibility of language and time phenomena described in the papers by V. A. Friauf and V. V. Kanafyeva.

Key words and phrases: Pancake Week; ontology; symbol; language; phoneme; morpheme; sememe; name; number.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Статья посвящена идентификации напева «Достойно есть», названного в русском сборнике «сербской мелодией». Сравнительный анализ показал, что первоисточником является опубликованное в 1862 году Корнелием Станковичем одноименное песнопение, принадлежащее к сербской карловацкой традиции церковного пения, бытовавшей устно. В России данный напев обрел новую жизнь. Являясь достаточно самостоятельным вариантом, он сохранил связи и с более ранним сербским песнопением епископа Лукиана Мушицкого, и с русским знаменным распевом, оказавшись частным проявлением многовековых связей певческих традиций Православных Церквей Сербии и России.

Ключевые слова и фразы: церковное пение; «Достойно есть»; сербский карловацкий распев; Корнелий Станкович; Лукиан Мушицкий; русский знаменный распев.

Евдокимова Алла Алексеевна, к. искусствоведения, доцент
Нижегородская государственная консерватория имени М. И. Глинки
evdokitova_51@mail.ru

«ДОСТОЙНО ЕСТЬ» КОРНЕЛИЯ СТАНКОВИЧА В СЕРБИИ И РОССИИ

В ежедневном богослужении приходов Русской Православной Церкви вместе с каноническим текстом звучат самые разнообразные напевы – от древних до созданных в наши дни. Церковные книги нередко содержат указания на вид напева – соловецкий, валаамский, киевский, грузинский и многие другие. Из зарубежных напевов наиболее часто встречаются греческий и болгарский. Однако есть основания предполагать, что болгарский распев, зафиксированный в российских книгах, далеко не всегда имеет болгарское происхождение [2, с. 69-70; 5, с. 49-50].